

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-137-151

Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи

Е.Г. ВОДИЧЕВ, доктор исторических наук

E-mail: vodichev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8266-1723

Новосибирский государственный технический университет,

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Н.Н. АБЛАЗHEY, доктор исторических наук

E-mail: ablazhey@academ.org; ORCID: 0000-0001-8237-9023

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегий развития экономики в контексте декларированного властью плана по построению коммунизма в СССР. Представленные в Программе КПСС, принятой в октябре 1961 г., и конкретизированные в «Генеральной перспективе развития народного хозяйства до 1980 г.», эти цели были призваны обеспечить глобальное экономическое лидерство СССР. Авторы исследуют конфликт в стратегическом планировании: здесь проблема заключалась не столько в неверной экстраполяции на перспективу текущих экономических трендов, сколько в фундаментальном противоречии между идеологией и экономикой. Делается вывод о доктринальной преемственности хрущевского и сталинского взглядов на горизонты развития, в том числе в плане построения коммунизма в СССР. Обновленная Программа партии с методологических позиций строилась на представлениях о доминировании индустриального вектора развития, при этом не учитывались в должной мере проявившиеся уже в 1950-е гг. тенденции постиндустриализма. Приверженность руководства страны политико-идеологическим стереотипам и ставка на глобальное лидерство блокировали развитие экономики, препятствуя поиску альтернативных путей повышения ее эффективности.

Ключевые слова: коммунистическая перспектива; экономическая политика СССР; Третья Программа Коммунистической партии; XXII съезд КПСС

В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС была обнародована программа построения коммунизма в СССР, основанная, как утверждалось, на научно обоснованных расчетах экономического развития страны на двадцать лет вперед. Но коммунизм в СССР так и не наступил, а еще через десять лет после предполагаемой даты торжества «общества всеобщего благоденствия» и сам Советский Союз исчез с карты мира. Стратегия не выдержала проверки практикой. Цель данной статьи – попытка интерпретации одной из ключевых причин провала декларированной стратегии развития советской экономики. Формулируется гипотеза о том,

что проблема заключалась не только и не столько в неверной экстраполяции экономических трендов, сложившихся в успешные для страны годы, сколько в фундаментальном конфликте между идеологией и экономикой в стратегическом планировании.

Годы 1950-е считаются одним из наиболее успешных периодов в истории советской экономики. Иногда говорят даже «о советском экономическом чуде» [Ханин, 2001. С. 166]. По данным официальной статистики, валовый общественный продукт СССР в 1950 г. составлял 161% от 1940 г., что означало полное завершение послевоенного восстановления экономики и переход ее к активному росту. Но уже в 1960 г. валовый общественный продукт в процентах к 1940 г. вырос до астрономических 417%! И хотя в целом в 1951–1960 гг. рост национального дохода колебался в интервале от впечатляющих 12,3% до 7,7% в год, темпы прироста были задухающими¹. Также за десять лет темп прироста капитальных вложений в советскую экономику составил 229%, что было существенно выше, чем в ведущих странах Запада².

Успехи советской экономики привлекали внимание западных специалистов, пытавшихся найти причины и истоки быстрого роста и определить перспективы экономического потенциала СССР. Многие из них не только не ограничивались перерасчетом трендов, построенных на цифрах советской статистики, но и пытались оценить качественную сторону динамики экономического развития СССР³. Как отмечалось в материалах конференции, проведенной в 2001 г. в Принстоне под эгидой ЦРУ США, половина прироста производства советской промышленной продукции в период с 1951 по 1955 гг. происходила вследствие роста производительности труда [Noren, 2001]. По более ранним подсчетам Ф. Сетона, в 1950–1955 гг. рост объемов производства обеспечивался, главным образом, улучшением технологической и управленческой эффективности [Seton, 1959].

¹ Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. (Юбилейный статистический ежегодник). М., 1972. 848 с. [С. 49, 56].

² Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. [С. 91].

³ Подходы и расчеты западных экспертов также во многих отношениях небезупречны, в том числе и из-за несопоставимости данных советской и зарубежной статистики, что заставляет прибегать к использованию различных дефляторов и коэффициентов. См. об этом подробнее: Ханин Г. И. Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск: ИКОР, 1993. 158 с. [С. 42–73].

Однако в любом случае оставалось весьма значительное отставание советской экономики от США по производительности труда, в 1950-х гг. этот показатель варьировал от 15% в текстильной промышленности до 73% в металлургии [Nogen, 2001]. Близкие данные содержатся и в других экономических исследованиях. Так, А. Бергсон сделал вывод, что так называемая статистическая эффективность (показатель, отражающий производство продукции в определенное время при имеющихся трудовых ресурсах и объеме инвестиций, а также уровне технических знаний) советской экономики в 1950-е гг. варьировала в интервале между $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$ от аналогичного показателя экономики США и далеко уступала всем другим западным странам, за исключением Италии [Bergson, 1968. P. 23]. При этом общая факторная производительность экономики СССР прирастала в этом десятилетии весьма высокими темпами, в среднем на 1,9% ежегодно, в том числе по отраслям материального производства – до 3,69% в год⁴. Расчеты по более протяженному периоду 1951–1963 гг. также показывают, что свыше 50% прироста промышленного производства обеспечивалось «привлечением дополнительной рабочей силы и капитала», но остальная часть происходила вследствие возрастания факторной производительности [Nogen, 2001].

Таким образом, количественный рост советской экономики сопровождался определенными качественными изменениями, которые, однако, не имели фундаментального характера. И хотя цифры официальной статистики, как и расчеты, опирающиеся на них, можно подвергать обоснованному сомнению, специалисты, придерживающиеся альтернативных методик расчета показателей, все же солидарны с мнением о том, что 1950-е гг. стали «десятилетием триумфа» советской экономики, в результате чего «СССР в военном, научном и экономическом отношении стал супердержавой, уступавшей во всех этих отношениях только США». Делается вывод, что в 1950-е гг. «СССР входил в число стран с наиболее высокими темпами экономического роста наряду с ФРГ, Японией, Францией и некоторыми другими

⁴ Bergson A. Soviet Technological Progress: Trends and Prospects (Chapter VII) // The Soviet Economy to the Year 2000. Final Report to National Council for Soviet and East European Research. 1982. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1982-622-2-Bergson.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).

странами, значительно опережая темпы экономического роста США и Великобритании и многих других стран мира» [Ханин, 2001. С. 166].

Причины роста экономики СССР в 1950-е гг. были многообразны. Несомненно, имеет право на существование утверждение, что «командная» экономика в это время еще демонстрировала свою жизнеспособность. СССР умело использовал свои ограниченные ресурсы для развития некоторых отраслей, определяющих долгосрочный экономический прогресс. При этом прибегая к огромным возможностям тоталитарного государства, способного жертвовать краткосрочными интересами населения. Но одним из факторов впечатляющего роста стало также избавление системы от наиболее тяжелого ограничения сталинизма: массовых репрессий и масштабного применения принудительного труда.

В 1950-х гг. еще было неясно, как долго может продолжаться подъем. В середине десятилетия чувство триумфа и уверенности в могуществе советской экономики доминировали. Причем это касалось не только советских идеологов и политических деятелей, но и профессиональных экономистов. Планы шестой пятилетки на 1956–1960 гг. строились исходя из оптимистичных предпосылок. Они были основаны на представлениях о том, что успехи, достигнутые в развитии экономики в предшествующие пять лет, сохранятся, и тренды продолжатся. Директивы по шестому пятилетнему плану определяли увеличение промышленной продукции за пятилетку на 65%. Это означало ежегодный прирост в 10,5%⁵.

Однако уже во второй половине 1950-х гг. обозначился перелом тренда: темпы развития стали затухающими, что продолжилось и в первой половине следующего десятилетия. Дальнейшее снижение темпов было связано с тем, что не удалось опереться на интенсивные факторы развития, такие как повышение эффективности производства и технический прогресс [Moorsteen, Powell, 1968]. Вместе с тем «философия» экономического прогнозирования в СССР не изменилась: падение темпов роста экономики рассматривалось как временное замедление, за которым

⁵ История социалистической экономики СССР в семи томах. Т. 6. М., 1980. 589 с. [С. 228].

последует новый взлет. Это стало основной причиной отказа от завершения шестой пятилетки и перевода экономики страны – в первый и единственный раз в советской истории – на выполнение столь же амбициозного семилетнего плана, который предусматривал акцент на приоритетное развитие производств передовых технологических укладов.

От шестой пятилетки к первой семилетке

Шестая пятилетка, но еще в большей степени – семилетка, базировались на представлениях о необходимости определенных структурных трансформаций экономики страны. Радикальное ускорение научно-технического прогресса должно было опираться на опережающее развитие таких отраслей, как радиотехническая промышленность, электроника, электроэнергетика, и некоторые другие. Предусматривались усиление специализации производства (в том числе за счет строительства инструментальных предприятий), повышение уровня механизации и автоматизации и сокращение доли ручного труда. Большая часть прироста промышленной продукции должна была быть обеспечена за счет интенсификации использования ресурсов и роста производительности труда, а не ввода в строй новых мощностей, хотя предполагался и значительный рост капитальных вложений. Задачи интенсификации производства становились долговременным трендом в развитии всех отраслей экономики, включая сельское хозяйство, темпы развития которого должны были приблизиться к промышленным, объемы жилищного строительства должны были удвоиться. Наконец, предусматривалось существенно расширить потребление и повысить уровень и качество жизни населения. Производство основных потребительских товаров должно было вырасти на 50–70% [Ханин, 2008. С. 126–131].

Шестая пятилетка, а затем и семилетка стали первым шагом на пути формирования в СССР «экономики потребления». Но при этом приоритеты экономической политики, определенные еще при Сталине, остались неизменными и базировались на укреплении экономической независимости через повышение обороноспособности страны. Прогнозировать масштабный рост потребления при одновременном сохранении крайне высоких расходов на «оборону» и поддержании значительных темпов роста, даже в теории, крайне сложно. Однако, как всегда в со-

ветской практике, на помощь стратегическому планированию в экономике была призвана идеология, и всякие сомнения были отброшены.

Коммунизм по-сталински и по-хрущевски

Н. С. Хрущев превратил тезис о «коммунистическом завтра» советского народа в свою ключевую идеологию и попытался дать ей обозримую перспективу. Однако мало кто задумывается, что в реальности старт работам по подготовке 3-й программы Коммунистической партии – программы построения коммунизма в СССР – был дан И. В. Сталиным еще в 1938 г. [Артемов, Водичев, 2021]. Принять программу планировалось уже на следующий год, но начавшаяся мировая война изменила приоритеты. Разработка программы возобновилась в 1947 г. Обеспечение построения коммунизма в СССР было определено главной задачей партии в пятом пятилетнем плане⁶, а также лежало в основе подготовки Генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг., так и не вступившего в силу.

Историческая преемственность при стратегическом планировании была прямой и конкретной. При этом хрущевский вариант программы партии опирался на экономические проектировки (а именно на Генеральную перспективу развития народного хозяйства СССР на период до 1980 г.). Генперспектива, как и сталинский Генеральный хозяйственный план, должна была конкретизировать доктринальные партийные установки. В этом смысле она, с одной стороны, была документом стратегического планирования, а с другой – в той части, в которой она сочеталась с программой КПСС, – инструментом идеологии и политической пропаганды. И программа партии, и Генперспектива стали отражением философии «коммунистического романтизма» и идеи «броска в коммунизм». Первый вариант Генперспективы, создававшийся по решению XXI съезда КПСС, должен был охватывать 1959–1975 гг.⁷ Затем сроки и временной охват были несколько скорректированы. Генперспектива была в основном подготовлена еще до официальной презентации программы партии на XXII съезде КПСС.

⁶ XIX съезд ВКП(б) – КПСС (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы. URL: https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

⁷ Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. А-262. Оп. 5. Д. 7026. Л. 1.

И хотя этот многотомный и детализированный труд, задающий ориентиры развития в отраслевом и территориальном разрезе, так и не был утвержден в качестве официального документа, это не помешало ему стать основой экономического блока 3-й программы КПСС.

И сталинский, и хрущевский варианты перспективного планирования ставили целью достижение СССР мирового приоритета по основным экономическим показателям. Это трактовалось как предпосылка перехода к коммунистическому принципу распределения товаров и услуг. В обеих версиях программы партии основным показателем выступал объем валового выпуска продукции, по которому СССР к концу планового периода должен был превзойти экономического лидера западного мира – США. В обоих вариантах для этого предполагались масштабные капиталовложения в развитие производства. Нарращивание производственных мощностей на передовой технологической основе должно было стать залогом повышения эффективности народного хозяйства.

В сталинском Генплане формулировались три стратегические задачи: «... [первая] превзойти уровень производства на душу населения в главных капиталистических странах, в том числе Соединенных Штатах Америки... [вторая] осуществить программу перехода в СССР от общества социалистического к обществу коммунистическому... [третья] укрепить технико-экономическую независимость СССР, обеспечить дальнейшее повышение его обороноспособности, полностью гарантировав советскую страну от всяких случайностей, связанных с наличием капиталистического окружения» [Цит. по: Симонов, 2017. С. 29–30]. Их решение означало построение в СССР коммунистического общества. Все экономические проектировки хрущевской «Программы строительства коммунизма» были методологически близки к сталинскому видению перспективного развития страны.

Структурным приоритетом развития экономики Советского Союза оставалась энергетика, которая рассматривалась как основа развития всех других отраслей и в целом – успешного построения коммунизма⁸. В то же время в программе появился

⁸ Программа КПСС // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 3. 592 с. [С. 276].

ряд важных новых моментов. Так, в дополнение к сложившемуся военно-промышленному комплексу ставилась задача ускоренного развития потребительски-ориентированных отраслей экономики. Другая новация заключалась в формировании условий для развертывания научно-технической революции. Построение основ коммунистического общества не мыслилось без перехода к новому уровню технологий. Среди важнейших направлений НТП назывались в первую очередь механизация и автоматизация производства, все более масштабное использование новинок химической промышленности, прежде всего новых материалов с заданными свойствами. Важнейшую роль призвано было сыграть опережающее развитие ракетно-космической отрасли и «мирного атома». На этом фоне вполне обыденно звучали заявления о развитии транспортной инфраструктуры, средств связи, повышении продуктивности сельского хозяйства и т.д. Прямо не говорилось, но подразумевалось, что только на основе ускорения научно-технического прогресса можно решить проблему «и пушек, и масла»⁹.

«Гуманизация» экономики, по мнению Хрущева и в отражении 3-й программы, означала параллельное развитие потребительского и инвестиционного секторов, но не предполагала отказа от традиционной советской парадигмы, при которой производство средств производства (группа «А») рассматривалось в качестве основы развития. Акцент на «повышение жизненного уровня народа» стал политическим клише, но де-факто приоритет отдавался тяжелой промышленности. Эту дилемму предполагалось решать за счет ускоренного развития тех предприятий группы «А», которые производят оборудование для потребительских отраслей агропромышленного сектора, а также увеличения выпуска товаров народного потребления на предприятиях тяжелой промышленности¹⁰. Таким образом формировался определенный компромисс между традиционной экономической ригидностью и актуальными политическими задачами.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. С. 13, 21.

¹⁰ Доклад Н. С. Хрущева «О Программе Коммунистической партии Советского Союза» // XXII съезд КПСС. 17–31 окт. 1961 г. Стенографический отчет: В 3 т. М. Госполитиздат, 1962. 608 с. Т. 1. 608 с. [С. 169].

Экономические амбиции генеральной перспективы

В Генперспективе большое внимание уделялось корректировке территориальных дисбалансов в развитии советской экономики, последние осознавались как представляющие большую опасность для дальнейшего роста народнохозяйственного комплекса. В течение 1950-х гг. территориальные диспропорции не только не уменьшились, но и продолжали нарастать: восточная часть страны все сильнее отставала по многим показателям от западных регионов СССР¹¹. При этом по концентрации многих природных ресурсов, их структуре и возможностям добычи восточные регионы выгодно отличались от других территорий¹². Однако в послевоенные годы все острее стала ощущаться низкая эффективность технологий добычи и переработки сырья. Рационализация сырьевых отраслей все более становилась условием дальнейшего развития экономики как восточных регионов, так и страны в целом.

Проблема гармонизации территориального развития решалась в Генперспективе весьма амбициозно. Был четко обозначен массивированный сдвиг производства на восток. В конкретных условиях второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. «вызовы» научно-технического прогресса и «восточный вектор» экономической политики СССР оказывались тесно связанными между собой. Уже в конце 1950-х гг. наметился опережающий рост капиталовложений в экономику Сибири и Дальнего Востока. Доля этих регионов в структуре государственных инвестиций должна была составить 34%, а вместе с Уралом – более половины, в то время как в 1952–1958 гг. она находилась на уровне 22,6%. К 1980 г. удельный вес Сибири и Дальнего Востока в валовом производстве промышленной продукции РСФСР планировалось поднять до 28% против 14% в 1958 г.¹³ Если за это время в РСФСР этот показатель должен был вырасти в 5,7–5,8 раза, то, например, в Западно-Сибирском регионе – в 9 раз¹⁴.

¹¹ Экономические проблемы развития Сибири. Методологические проблемы развития и размещения производительных сил. Новосибирск, 1974. 263 с. [С. 28–31].

¹² См.: Промышленность в хозяйственном комплексе экономических районов СССР. М., 1964. 567 с. [С. 20].

¹³ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 8999. Л. 3, 9, 36–37.

¹⁴ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 240. Л. 143.

К отраслям специализации для Западной Сибири были отнесены добыча угля, черная металлургия, химия, ряд направлений машиностроения, лесная промышленность, зерновое хозяйство и животноводство¹⁵. Отметим, что такие проектировки в отношении Западной Сибири были сделаны еще до открытия западно-сибирской нефти и начала развития нефтегазового комплекса региона. Позднее они были существенно скорректированы.

Еще более амбициозными представляются перспективные планы в отношении Восточно-Сибирского региона, где за двадцать лет валовые показатели промышленного развития должны были увеличиться в 17 раз, правда, от намного более низкого стартового уровня¹⁶. Восточно-Сибирский экономический район рассматривался как пионерная территория, где только начали складываться основы экономической специализации. В перспективе здесь предполагалось развитие цветной и черной металлургии, синтетической химии, лесобработывающей промышленности на основе формирования мощного комплекса тепловых и гидроэлектростанций¹⁷. Восток страны должен был стать триггером кардинальных изменений экономического потенциала всего СССР.

Все проектировки Генперспективы были порождены духом времени и склонностью Н.С. Хрущева и его окружения к большим цифрам. Если сталинское руководство, понимая условность программных обязательств, которые на практике могли оказаться невыполнимыми, не стало конкретизировать экономические параметры коммунистического общества в Генеральном плане, то новые лидеры страны, воодушевленные успехами экономического и социального развития 1950-х гг. и придерживавшиеся политики популизма, посчитали возможным озвучить амбициозные даты и цифры.

Как известно, широко обнародованные показатели легко поддаются верификации, и их расхождение с достигнутыми результатами может разрушить идеологемы, для обоснования которых они предназначались. Что, собственно, и произошло впоследствии.

¹⁵ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 7086. Л. 72.

¹⁶ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 240. Л. 165.

¹⁷ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 7086. Л. 72. Л. 74.

Так, к 1980 г. СССР должен был догнать и превзойти США по уровню производства на душу населения¹⁸. Всего же за двадцать лет национальный доход планировалось увеличить в пять раз, а производство промышленной продукции – в шесть раз. Для достижения таких темпов роста за первые десять лет производительность труда должна была вырасти более чем вдвое, а еще десятилетие спустя она должна была в два раза превысить аналогичный показатель США. Показатели уровня жизни, выраженные в реальных душевых доходах, должны были к 1980 г. вырасти в 3,5 раза, хотя назывались и более фантастические цифры – в шесть раз [Баканов, Фокин, 2019. С. 429].

В реальности, по официальным данным, к 1980 г. национальный доход и валовый внутренний продукт в СССР увеличились приблизительно в три раза, производство промышленной продукции – в четыре раза, а сельскохозяйственной – лишь наполовину. Производительность труда возросла приблизительно в 2,5 раза. Реальные доходы населения за двадцать лет также увеличились более чем в два раза¹⁹. Это были значимые цифры, но, как известно, ни построить коммунизм, ни превзойти США по показателям производства и уровня жизни так и не удалось. Во-первых, приведенные статистические данные могут быть подвергнуты большому сомнению. А во-вторых, в экономике США за это время произошли глубокие структурные трансформации, связанные с развитием передовых технологических укладов. К тому же, даже по официальным советским данным, американская экономика не стояла на месте, а развивалась со среднегодовыми темпами в 3,5% в год²⁰, но от гораздо более высокого уровня.

Коммунистический проект СССР, который должен был потрясти мир

Естественно, что все хрущевские проектировки построения материально-технической базы коммунизма вызывали интерес за рубежом. На Западе вообще очень внимательно следили

¹⁸ Доклад Н. С. Хрущева «О Программе Коммунистической партии Советского Союза». [С. 167].

¹⁹ Народное хозяйство СССР в 1980 году (Статистический ежегодник). М., 1981. 583 с. [С. 37–38].

²⁰ Там же. [С. 57].

за программами и стратегиями развития СССР и немедленно поверяли советские лозунги и декларации экономическими расчетами на основе собственных методик. По оценкам ЦРУ, поставленные в программе КПСС и Генеральной перспективе цели обеспечить глобальное экономическое лидерство СССР по абсолютному и душевому производству продукции и уровню жизни населения были совершенно недостижимыми [Noren, 2001].

При всем том, что перспективные проектировки содержали ряд оправданных с экономической точки зрения посылок (опора на научно-технический прогресс, ускоренное развитие потребительского сектора, изменение территориальных проекций экономики и т.д.). Уже завершающие годы семилетки (1964–1965 гг.) продемонстрировали резкое снижение динамики всех основных показателей, что явно не соответствовало декларируемой совсем недавно стратегии. С методологических позиций стратегические планы по-прежнему строились на представлениях о доминанте индустриального вектора развития страны, не учитывая в должной мере проявившиеся в 1950-е гг. тенденции постиндустриализма, глобализации и формирования «сервисной» экономики, в которой многие базовые индикаторы экономики индустриального типа (например, валовых показателей производства чугуна и стали, которыми так гордились в СССР) теряли всякий смысл. Тезис о соединении в советской экономике достижений НТР с производством также был не более чем лозунгом, как и сама концепция НТР, носившая технократический характер и не предусматривавшая никаких изменений ни в системе мобилизационной и административно-управляемой экономики, ни в общественных институтах.

Фактически достижение поставленных целей предполагалось обеспечить без сколько-нибудь глубокого реформирования советской экономической модели. Все, что было сделано при Хрущеве для стимулирования стагнирующего экономического роста, в основном исчерпывалось «совнархозовской» реформой – хотя и содержащей в себе некоторое рациональное зерно в плане децентрализации и регионализации народного хозяйства, но поверхностной и ограниченной системой бюрократического управления.

Замедление экономического роста, а затем фактический провал планов семилетки показали неэффективность реорганизаций такого рода без содержательных изменений на уровне субъектов

производства, мотивирующих их к эффективной деятельности экономическими инструментами и методами. Из понимания этого в дальнейшем выросла «Косыгинская реформа».

Именно при Хрущеве стало окончательно понятно, что долгосрочное, как впрочем и среднесрочное и даже краткосрочное планирование в СССР, – это скорее инструменты идеологии, а не экономики, хотя признать это официально было, конечно, невозможно. Фундаментальная проблема советского стратегического планирования, в рамках которого была сформулирована экономическая часть программы построения коммунизма, заключалась в том, что оно было предельно идеологизировано, а все «основы» оставались незыблемыми. И в этом смысле стратегические проектировки о построении материально-технической базы коммунизма, которые ассоциируются с именем Хрущева и базируются на экстраполяции тенденций экономического роста успешного для СССР периода начала и середины 1950-х гг. на отдаленную перспективу, можно рассматривать и как продолжение традиционной экономической политики, и как попытку «... вливания динамизма в систему, которая, будучи предоставленная самой себе, могла бы стать жертвой инертности» [Nove, 1982. P. 362.].

Стратегические цели в их хрущевской интерпретации могли на время увлечь и сплотить общество, но достичь их было в принципе невозможно, и относиться к ним следует лишь как к идеологемам. Стратегия основывалась на туманных перспективах построения «общества изобилия» в относительно далеком будущем, а реальная социально-экономическая действительность воплощалась в конфликте между «пушками и маслом», в накрывшем страну в начале 1960-х гг. дефиците основных потребительских товаров и в росте цен. По мере нарастания проблем возникало не только социальное разочарование, но и раздражение в обществе. Поэтому после отставки Хрущева новое руководство страны, не имея возможности отказаться от принципиальных посылок идеологии, все более уводило хрущевские стратегические формулировки в тень, по-прежнему пытаясь искать возможности повышения эффективности экономики на пути половинчатых реформ.

Литература

Артемов Е. Т., Водичев Е. Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках

хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021 Т. 13. № 4. Ч. 2. С. 324–347. DOI: 10.17212/2075–0862–2021–13.4.2–324–347.

Баканов С. А., Фокин А. А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 420–436. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.208>.

Симонов М. А. Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг. // Вестник Вятского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 2. С. 27–35.

Ханин Г. И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11 (329). С. 166–170.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: В 2 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2008. 516 с.

Bergson A. Planning and Production under Soviet Socialism. New York, 1968. 95 p.

Moorsteen R., Powell R. Two supplements of the Soviet Capital Stock. New Haven, 1928–1962, Homewood, Ill., R.D. Irwin, 1966. XXIII, 671 p.

Noren J. CIA's Analysis of the Soviet Economy // Watching the Bear. Essays on CIA's Analysis of the Soviet Union. Edited by: Gerald K. Haines and Robert E. Leggett. (Chapter II). URL: <https://www.cia.gov/static/bf586388df9ef9f3253746f21da0ce46/Watching-the-Bear-2-Chap2-TheEconomy.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).

Nove A. An economic history of the U.S.S.R. Harmondsworth, Middlesex, England; New York, N.Y., U.S.A. Penguin Books, 1982. 429 p.

Seton F. Production Functions in Soviet Industry // The American Economic Review. 1959. Vol. 49. No. 2. May. Pp. 1–14.

Статья поступила 11.10.2022

Статья принята к публикации 25.11.2022

Для цитирования: Водичев Е. Г., Аблажей Н. Н. Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи // ЭКО. 2023. № 2. С. 137–151. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-137-151

Summary

Vodichev, E.G., *Doct. Sci. (History).* E-mail: vodichev@mail.ru

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk;

National Research Tomsk State University, Tomsk

Abblazhey, N.N., *Doct. Sci. (History).* E-mail: ablazhey@academ.org

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

The Strategic Plan for the “Building of Communism” in the USSR: The Ambitions and Ideology of the Khrushchev Era

Abstract. The paper analyzes the strategies of economic development in the context of the government’s declared plan to build communism in the USSR. Set forth in the CPSU program adopted in October 1961, and concretized in the “General Perspective on the Development of the National Economy until 1980,”

these goals were intended to ensure global economic leadership of the USSR. The authors explore the conflict in strategic planning: here the problem was not so much in the incorrect extrapolation of current economic trends into the future, but in the fundamental contradiction between ideology and economics. A conclusion is made about the doctrinal continuity of Khrushchev's and Stalin's views on the horizons of development, including in terms of building communism in the USSR. The updated program of the Party methodologically was based on an understanding of the dominant industrial vector of development, without taking into account the trends of post-industrialism, which had already become apparent in the 1950s. The leaders' adherence to political and ideological stereotypes and focus on global leadership blocked the development of the economy and hampered the search for alternative ways to improve its efficiency.

Keywords: *Communist perspective; economic policy of the USSR; Third Program of the Communist Party; XXII Congress of the CPSU*

References

Artemov, E., Vodichev, E. (2021). According to Stalinist Templates: The Economic Strategy of Communist Construction in the Program Settings of the Khrushchev Leadership. *Ideas and Ideals*. T. 13. No. 4. Pt. 2. Pp. 324–347. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347.

Bakanov, S., Fokin, A. (2019). “And Under Communism Everything Will Be...”: How the Planning Agencies of the USSR Saw the Nation's Wealth by 1980, *Modern History of Russia*. Vol. 9, No. 2, Pp. 420–436. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.208>

Simonov, M. (2017). The project of building a communist society in the USSR according to the General Economic Plan 1951–1970. *Herald of Vyatka State University*. No. 2. Pp. 27–35. (In Russ.).

Hanin, G. (2001). *The 1950s – the decade of the triumph of the Soviet econom.* *ECO*. No. 11 (329). Pp. 166–170. (In Russ.).

Hanin, G. (2008). *Economic history of Russia in modern times. Novosibirsk, Vol. 1. The economy of the USSR in the late 30s –1987.* 518 p. (In Russ.).

Bergson, A. (1968). *Planning and Production under Soviet Socialism.* New York, 95 p.

Moorsteen, R., Powell, R. (1966). *Two supplements of the Soviet Capital Stock.* New Haven, 1928–1962, Homewood, Ill., R.D. Irwin, XXIII, 671 p.

Nove, A. (1982). *An economic history of the U.S.S.R.* Harmondsworth, Middlesex, England; New York, N.Y., U.S.A. Penguin Books. 429 p.

Seton, F. (1959). Production Functions in Soviet Industry. *The American Economic Review*. Vol. 49, No. 2, May. Pp. 1–14.

For citation: Vodichev, E.G., Ablazhey, N.N. (2023). The Strategic Plan for the “Building of Communism” in the USSR: The Economic Ambitions and Ideology of the Khrushchev Era. *ECO*. No. 2. Pp. 137–151. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-137-151